

Библиография

Введение в историю и культуру талышского народа. Ереван, 2011.

Решетов А. М. Галешы // Народы и религии мира / Глав. ред. В.А. Тишков. М., 1998.

Н.Г. Краснодембская

ОБ ОБЫЧАЯХ ГОСТЕПРИИМСТВА НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В настоящей статье я хочу обратиться к воспоминаниям о своем посещении Ташкента и Самарканда в середине 80-х годов прошлого века. Это была командировка от МАЭ, но рассказать сегодня я хочу не об этом, а о живых и запавших мне в душу наблюдениях, полученных тогда непосредственно из местной жизни.

Я не являюсь специалистом по Центральной Азии, но этот край (точнее тот регион, что мы привыкли называть Средней Азией) в определенной степени был знаком мне (и даже любим мною) с раннего детства. Прежде всего, с ним была связана история семьи моего отца.

Реалии среднеазиатской жизни нередко фигурировали в разговорах и воспоминаниях нашей ленинградской семьи. И мне самой привелось побывать в этих теплых краях уже в раннем возрасте. Шла Отечественная война, мы с мамой и бабушкой (матерью отца) находились в эвакуации в Томске, и там в возрасте трех лет я заболела полиомиелитом в очень тяжелой форме. Врачи делали все, что могли, а маме сказали: очень полезны были бы солнце и фрукты. И мама повезла меня в Среднюю Азию. Ей помогли на работе: выдали командировочное удостоверение (без него нельзя было бы покинуть Томск), а у нее в Каттакургане Самаркандской области жила в ссылке старшая сестра с двумя дочерьми. Одна из них работала там врачом. Мы проезжали через Ташкент и даже остановились в городе на пару дней у старых знакомых бабушки и деда.

Горячее солнце, сухая земля, всеобъемлющее тепло, арыки с прозрачной водой, виноградные лозы, гроздья янтарных ягод в больших корзинах (подарки моей старшей родственнице от из-

леченных пациентов и каттакурганских, и из соседних кишлаков), затененные комнаты, где окна и двери завешаны коврами, а полы поливаются водой для создания хотя бы относительной прохлады, люди в халатах и тюбетейках — эти образы были запечатлены еще в моей детской памяти.

Разумеется, когда я очутилась в Ташкенте уже взрослым человеком, у меня не было конкретного узнавания мест, но все же, неожиданно для себя самой, я испытала чувство знакомости, близости окружившего меня мира.

Мне было где поселиться: друзья дали мне адрес двух старых женщин (одна была русская, другая — украинка), которые потеряли всех своих близких и потому соединились в своеобразную семью, съехавшись в неплохую трехкомнатную квартиру с балконом и четко поделив домашние обязанности. Здесь сердечно принимали многих гостей. Нашла тут теплый уют и я. Этот мирок не-азиатов в Азии заслуживает особого рассказа. Мои хозяйки (одна — сотрудница библиотеки Академии наук, другая — бывшая преподавательница техникума) были детьми тех, кого можно отнести к первому поколению местных русских поселенцев. В их памяти еще сохранялись эпизоды из истории освоения русскими этого края. И в то время, о котором я пишу, их дом был одним из центров притяжения русскоязычного сообщества. Ради меня был устроен прием, сбор друзей (там были русские, украинцы, евреи) с застольем, где меня познакомили с принятыми в этой среде блюдами.

Но это отступление, а сейчас — о другом.

Надо сказать, что касается Ташкента, мне не запомнилось каких-нибудь особых «путевых впечатлений», хотя, понятно, я посетила там много мест, включая музеи, библиотеки, академический институт востоковедения. Сводили меня и в чайханы, и к палаткам ремесленников, еще сохранявшимся на старом рынке. В целом этикет в отношении приезжей был обычным (с достаточной долей вежливости и внимания). Ярko памятен только поход на Алайский декханский базар: там мой восторг перед чудесными плодами восточной земли имел самый теплый отклик. Мне сердечно улыбались, давали объяснения, охотно позировали для фото и даже сфотографировали меня моим аппаратом, надев

на меня тубетейку, которую со своей головы снял один из продавцов.

А вот поездка в Самарканд дала мне ряд интересных и оригинальных этнографических наблюдений.

Поезд уходил из Ташкента вечером, и мои старушки провожали меня на вокзал до самого вагона. Мне было наказано: гулять по Самарканду только до заката, а к сумеркам вернуться на вокзал и там ждать обратного поезда. Поезд прибыл в Самарканд ранним утром. Моей первой целью была площадь Регистан, и я поехала туда на автобусе. Пассажиров было уже много, но мне удалось сесть на свободное место. Вскоре в автобус вошел местный мужчина с маленьким ребенком на руках и оказался близко от меня. Мне стоять было бы трудно, поэтому, чтобы ему было легче, не уступая места, я, однако, предложила взять ребенка к себе на колени. И мужчина, и ребенок предложение приняли. А пока мы ехали так несколько остановок, я успела получить от нового знакомого предложение навестить его семью и даже в другой раз приезжать прямо в их дом. На площади Регистан шла реставрация медресе Шир Дор, лежали кучки мусора, и в одной из них я увидела голубой глазурованный кирпичик, совершенно не поврежденный. Я даже взяла его в руки, но унести с собой постеснялась. До сих пор жалею: было бы чудесное (и памятное) пресс-папье. Не решилась потому, что все-таки чувствовала себя не дома.

За Регистаном последовал мавзолей Шох-и Зинда. Чтобы добраться туда, мне пришлось пройти несколько почти пустынных улочек пешком. Там в меня какие-то мальчишки швырнули несколькими мелкими плодиками (явно недозревшие паданки) не то яблони, не то айвы. Я так и не разобралась, что им не понравилось: то ли моя хромота, то ли что иду одна в чужом месте, как не положено приличной женщине.

По пути к мечети Биби-Ханым мне повстречалась арба, влекомая осликом. Нацелилась фотоаппаратом, но седок-хозяин строгим жестом показал мне, что запрещает снимать, к моему огорчению. У стен самой мечети раскинулся небольшой базар, там я впервые попробовала пашмак домашнего изготовления. Продавала его добрая молодая женщина, которую я очень удивила,

попросив *три* кусочка вкусных сладостей. Она сказала: «Ну, тогда уж четыре...», и мне стало стыдно за себя как за этнографа. Ведь в местной среде счастливым считается число четное.

День клонился к закату, а я еще не побывала у мавзолея Гур Эмир. Я прекрасно видела его купол, но между мной и ним лежал район старого города: узкие извилистые улочки с глухими стенами. Все же я пошла в сторону мавзолея, ориентируясь на купол, который все время «сдвигался» то влево, то вправо, в зависимости от изгиба улицы. Я спешила, как могла: солнце бросало на небосвод последние лучи, тени сгущались. Честно сказать, здесь я трухнула: вокруг ни души, только серые глухие дувалы. Мне представилось, случись что, даже женщины не пожалеют, не придут на помощь. И я прибавляла ходу изо всех сил. Наконец, увидела просвет в конце улочки, выход на простор. Там стояла пара людей: невысокий толстячок в милицейской форме и девчонка лет пятнадцати с помойным ведром в руке. Он молчал, а из ее уст на него лился бурный поток слов. Но, увидев меня, она замолкла, а он приосанился, и их лица с вниманием обратились ко мне. Я объяснила, куда устремляюсь, и милиционер важным тоном поручил девушке проводить меня до мавзолея. По дороге она еще продолжала ворчать: «Вот еще... не там, видите ли, мусор выбрасываю».

Музей-мавзолей уже почти закрывался, но меня туда все же пустили, показали, объяснили... Сотрудник проводил меня до выхода и поручил группе мальчишек лет десяти (в белых рубашечках, с пионерскими галстуками) проводить меня до автобуса. Вся гурьба сопровождала меня, некоторые намекали на уместность сувениров, но, к моему и их огорчению, сувенирами запастись я не догадалась.

Итак, я выполнила задуманную программу знакомства с памятниками Самарканда. И даже почти вовремя, едва спустилась тьма, снова оказалась на вокзале. Поезд на Ташкент ожидался только поздно вечером, и мне предстояло провести несколько часов в зале ожидания. Случай свел меня здесь с землячкой: молодая женщина путешествовала по Советскому Союзу вдвоем с четырехлетним (!) сынишкой. Они уже побывали на Дальнем

Востоке, в Сибири, теперь их занесло в Среднюю Азию. Честно говоря, я была почти потрясена залихватской храбростью новой знакомой, особенно тем, что она решилась делить риски такого сложного путешествия со своим маленьким ребенком.

Вскоре же я пережила еще одно сильное впечатление, хотя и другого рода. В дверях зала появилась группа людей, которые будто сошли с индомусульманской миниатюры. Мужчины были в голубых халатах, белых чалмах, со здоровенными кинжалами у пояса. Женщины до бровей закутаны в многослойные одежды. С ними были и дети. Внесли большой ковер, развернули его на полу возле свободной стены и, рассевшись на нем, устроили чаепитие. Однако оставалась эта компания в зале ожидания недолго, а нам еще было сидеть и сидеть.

И вот тут выяснилось, что не только мы с интересом вглядываемся в окружающее, но и сами стали предметом пристального наблюдения. Более того, объектом местного гостеприимства. Не исключаю, что здесь особую роль сыграло присутствие с нами ребенка. Но несколько человек из окружающих проявили к нам особые знаки внимания, подарили нам, как это явно прочитывалось, свою *защиту*. На скамью напротив нас сел старик (скромно одетый, сухого сложения, очень высокий, я подумала — горный таджик). Некоторое время он смотрел на нас добрыми глазами, потом из глубин своего длинного халата достал несколько маленьких по размеру, но спелых и, как оказалось, необычайно вкусных гранатов и угостил нашу компанию.

Вскоре же ко мне подошла очень молодая женщина (почти девочка, наверно, лет 15–16) с грудным младенцем на руках. Она практически не говорила по-русски, но ее знание отдельных русских слов и мое — некоторых персидских и арабских позволило нам понять друг друга. Она сообщила, что родила первенца и сейчас из дома родителей возвращается к мужу, спрашивала, сколько детей у меня (я сказала, что двое, не детализируя, что имею в виду любимых племянников). Сопровождал юную мать ее младший брат, подросток лет четырнадцати. Он нес все заботы о ней и ребенке: приносил еду, питье, наводил справки о расписании. И держался как взрослый, серьезный мужчина.

Пока мы беседовали с его сестрой, он тоже подходил к нам, но как бы мимоходом. В то же время на другой конец скамьи возле моей товарки присела женщина средних лет и тоже о чем-то заговорила. Она представилась местной жительницей, сказала, что она татарка, зовут ее Розой. Она дала нам конкретный совет: не выходить в одиночку на платформу. «Парни там нехорошее говорят», — добавила она под конец.

Не оставил нас своей заботой и дежуривший на станции милиционер (как выяснилось, абхазец). Он не один раз подходил к нам, спрашивал, не нуждаемся ли в чем, обещал, что лично посадит нас в вагоны, когда прибудет поезд.

Совершенно очевидно, что все эти жесты, эти знаки внимания должны были не столько подбодрить нас, чужаков в данном конкретном месте, сколько были рассчитаны на окружавших нас. Они демонстрировали, что мы взяты под опеку, что у нас имеются *гаранты* из местных, т.е. мы приняты как *гости* определенными людьми из данной среды, и потому с нами и обращаться следует как с *гостями*.

Мы благополучно дождались своего поезда, абхазец-милиционер сопровождал нас до наших вагонов, меня лично довел и до купе. Была глубокая ночь, в купе я сначала была одна, но за пару минут до отхода поезда у меня все же появился попутчик, мужчина средних лет из местных, он оказался почти коллега, доктор наук, сотрудник одного из академических институтов. Мы немного поболтали, потом он вышел из купе, чтобы дать мне улечься. Я уже почти засыпала, когда он тихонько вошел и устроился на своей полке. Утром мы едва попрощались, потому что мой попутчик очень спешил по своим делам. А я отправилась к моим милым стареньким хозяйкам делиться своими впечатлениями о Самарканде.

Вот о таких гостевых традициях узнала я на собственном опыте во время совсем даже недолгого путешествия по далекой и одновременно близкой земле Средней (или Центральной, как принято называть теперь) Азии. Они кажутся мне особенными, в других местах я такие не встречала, хотя мне довелось немало попутешествовать по миру.